

—

«Победа в этом состязании ведь определяется по нашивкам звезд, верно? Если ты не вырубил Лю Тяньюня так, чтобы он не мог продолжать бой, то даже после поражения он мог бы пойти и играть дальше, не так ли?» — спросил Цюй Лянь, прекрасно зная ответ.

Понимая, что Цюй Лянь намеренно задает вопросы, чтобы дать ему возможность проявить себя перед зрителями, Янь Чангэ не удержался и легонько ущипнул его за нос, после чего объяснил будущим зрителям и семье Лю (которая наверняка посмотрит запись «Мастеров боевых искусств»): «Лю Тяньюнь — человек высоких моральных качеств. Хотя мы не договаривались об этом официально перед боем, и я, и он по умолчанию признали, что исход нашего поединка решает исход всего испытания. Если бы я проиграл, я бы вернулся в точку сбора и добровольно выбыл из игры. Он поступил так же».

«Но вы же не договаривались прямо. А вдруг он передумает?»

«Я верю брату Лю», — твердо сказал Янь Чангэ. Его взгляд был настолько искренним и честным, что заставлял забыть о его демоническом наряде и пугающей ауре. Даже оператор, находившийся в непосредственном контакте с ним, сменил страх на чувство безопасности.

«Как хорошо снимать Янь Чангэ», — мирно думал оператор, — «даже бегать самому не надо, он просто несет меня на плече».

Когда Янь Чангэ, двигаясь по прямой, встретил Ли Чэньи и Сюй Чжичжэнь, ни Цюй Лянь, ни оператор ничего не сказали. Они уже знали, что он наверняка вычислил их с помощью своих магических математических и физических формул. Цюй Лянь, хоть и понимал, что подобные вопросы добавляют Янь Чангэ ореол гениальности, на самом деле больше не хотел слушать о том, как линейные функции и скорость распространения звука и света помогают находить противников.

Ли Чэньи и Сюй Чжичжэнь при встрече не стали сражаться. Поскольку ни один из них еще не воссоединился со своим напарником, драка сейчас была бы лишь пустой тратой сил, дающей преимущество другим участникам — это было бы неразумно. Поэтому они лишь вежливо обменялись приветствиями и начали поиски вместе. Этот жест означал их союз: до финального момента определения победителя эти двое не станут врагами.

Этот союз был обусловлен наличием таких сильных противников, как Янь Чангэ и Лю Тяньюнь. Вместо того чтобы сражаться в одиночку до конца, лучше объединиться, а после победы уже полагаться на собственные силы.

Поэтому, завидев издали алое пятно, они немедленно затаились для атаки.

Черные одежды Ли Чэньи были идеальным камуфляжем в ночи: стоило ему замереть, и он становился невидимым. Чтобы не выдать себя, он даже заставил своего оператора выключить камеру. Розовый наряд Сюй Чжичжэнь скрывал лишь немногим лучше красного платья Янь Чангэ, толку от него было мало. Вместо того чтобы прятаться обоим, было решено, что она приманит «добычу», а Ли Чэньи нанесет удар из тени.

«Там только Сюй Чжичжэнь, разве мы не Ли Чэньи искали?» — Цюй Лянь продолжал подыгрывать Янь Чангэ.

«Ли Чэньи вон там», — Янь Чангэ указал пальцем в сторону. Скрывавшийся там Ли Чэньи, подавлявший свое дыхание, застыл, а затем медленно вышел из тени.

Следовавший за ним оператор с облегчением выдохнул, включил камеру и выбежал на свет.

«Как ты узнал, что я прячусь здесь?» — нахмурился Ли Чэньи. Он был уверен в своей способности скрывать свое присутствие; это был тщательно охраняемый секрет семьи Ли. Семья Ли славилась техникой владения мечом; их фехтование подобно горам: в покое они тихи, как застывшие пики, величественны и спокойны, но в движении — это горный обвал, сокрушительная мощь. Во время испытания со «снегопадом» он одним ударом рассекал поток «снежинок» — каждый его взмах обладал силой, способной переворачивать моря. Серьезный противник.

Янь Чангэ лишь слегка приподнял уголки губ, и у Цюй Ляня с оператором потемнело в глазах — у них возникло недоброе предчувствие, что их интеллект сейчас снова будет растоптан.

И действительно, Янь Чангэ подробно объяснил, как он рассчитал положение Ли Чэньи по звуку и скорости снегоходов, как во время боя с Лю Тяньюнем он втайне предсказывал возможные направления движения Ли Чэньи, как методом логического исключения отсеивал невозможные маршруты и как с помощью точки пересечения двух прямых вычислил точное местоположение... Он даже начал чертить формулы прямо на снегу!

Неизвестно, что думал в этот момент внешне спокойный Ли Чэньи, но Сюй Чжичжэнь получила удар по самолюбию в десять тысяч очков. У нее был взрывной характер, и, будучи девушкой, она не считала нужным придерживаться кодекса благородных мужей так строго, как мужчины. Увидев, как Янь Чангэ с веткой в руках начинает лекцию о том, сколькими способами можно вычислить эту сложную функцию, она не выдержала. Она с силой хлестнула кнутом по снегу, стирая формулы.

«Мне плевать на твои XYZ и графики функций! Мы тут «Мастеров боевых искусств» записываем, а не передачу «Очевидное — невероятное!»» — вскричала Сюй Чжичжэнь. — «Раз уж встретились на узкой тропе — пусть победит храбрейший! К чему все эти разговоры!»

Цюй Лянь рядом с Янь Чангэ заплодировал.

Ли Чэньи и Сюй Чжичжэнь невольно перевели на него взгляды. Янь Чангэ тоже с недоумением посмотрел на Цюй Ляня.

«Белый медведь» Цюй, продолжая энергично хлопать, произнес: «Хоть я и на твоей стороне, должен признать — госпожа Сюй сказала просто отлично! Не знаю почему, но мне прямо нестерпимо захотелось ей поплодировать!»

Янь Чангэ беспомощно взъерошил ему волосы с видом «что же мне с тобой делать» и сказал: «Я же говорил тебе больше читать, знания — это сила».

Цюй Лянь молча посмотрел на него с выражением крайнего пренебрежения на лице.

Сюй Чжичжэнь не было интересно смотреть на их воркование в стиле «иди учи математику» — «не буду, не буду и не проси» — «математика полезна» — «не буду, не буду и не хочу» — «у тех, кто любит математику, боевые искусства лучше» — «не буду, не буду и не стану». Каким бы сильным ни был Янь Чангэ, если нашивку Цюй Ляня сорвут, их пара будет считаться проигравшей. Она взмахнула длинным кнутом, целясь прямо в грудь Цюй Ляня.

Янь Чангэ вытянул левую руку и перехватил кнут Сюй Чжичжэнь. В его голосе зазвучал холод: «Вы можете нападать на меня как угодно, но не смейте тронуть ни волоска на его голове. Он — тот, кого я защищаю».

С этими словами он дернул кнут на себя, намереваясь притянуть Сюй Чжичжэнь. В этот момент Ли Чэньи нанес удар своим тяжелым мечом, пытаясь заставить Янь Чангэ отпустить кнут. Но Янь Чангэ даже не шелохнулся: он продолжал тянуть Сюй Чжичжэнь, одновременно вытянув правую руку и голой ладонью перехватив лезвие меча Ли Чэньи!

Сюй Чжичжэнь под действием его огромной силы бесконтрольно полетела в сторону Янь Чангэ, однако она была мастером высокого класса: прямо в полете она выпустила кнут и выхватила из-за пояса скрытое оружие, метнув его в Янь Чангэ.

Ли Чэньи изо всех сил пытался вырвать свой меч, но тот не поддавался, тогда он нанес мощный удар ногой в руку Янь Чангэ.

Чтобы удары мечом в руках обладали сокрушительной мощью, необходимо иметь невероятно устойчивую опору. Техника меча семьи Ли была сильна, но еще сильнее была их техника ног. Ноги Ли Чэньи двигались словно мириады призрачных теней, так что невозможно было понять, где находится настоящая конечность. На самом деле эта техника была направлена не на атаку, а на то, чтобы заставить Янь Чангэ уклониться и отпустить меч. Скрытое оружие Сюй Чжичжэнь служило той же цели — к слову, она использовала не острые лезвия, а несколько бусин со своего браслета.

Они полагали, что это заставит Янь Чангэ выпустить меч и отойти от Цюй Ляня. Как только он отступит, Ли Чэньи в ближнем бою сможет мгновенно схватить Цюй Ляня и сорвать нашивку. Их слаженность была идеальной, план — безупречным, но, к несчастью для них, их противником был Янь Чангэ.

Янь Чангэ не стал уклоняться. Он принял на себя и удар ноги Ли Чэньи, и бусины Сюй Чжичжэнь. Его тело стояло на снегу подобно скале; под атаками двух великих мастеров он даже не пошатнулся — его стойка была предельно устойчивой.

Цюй Лянь, знавший Янь Чангэ уже приличное время, видел только, как тот размахивает мотоциклами и прочими предметами, избивая других; он никогда не видел, чтобы чья-то атака достигала его тела. Увидев, что Янь Чангэ попал под удар, он невольно ахнул и закричал: «Ты что, дурак?! Почему не уклоняешься!»

Кто бы мог подумать, что Янь Чангэ, находясь под перекрестным огнем двух мастеров, обернется к нему и нежно улыбнется: «Даже если мое тело рассыплется в прах, я не отступлю от тебя ни на шаг. Ты — тот, кого я должен защищать, я никогда не убегу, позволив тебе попасть в руки врага».

Сюй Чжичжэнь и Ли Чэньи, внезапно ставшие невольными свидетелями этой любовной сцены: «...»

Несмотря на тяжелую душевную травму от увиденного, Ли Чэньи, как истинный мужчина, не изменился в лице. Его ноги словно вросли в землю, он собрал всю внутреннюю энергию и начал давить мечом вниз. Это было столкновение чистой силы. Хотя Ли Чэньи пользовался преимуществом веса своего тяжелого меча (почти тридцать пять килограммов форы), сам факт использования такого метода говорил о его уверенности в своей внутренней энергии.

«Ты дурак?» — Сюй Чжичжэнь была просто вне себя от такого «напарника». — «Если ты

будешь так давить, и он внезапно отпустит руку, ты не сможешь сдержать инерцию и получишь травму! Почему ты не выдергиваешь меч?»

«Меч семьи Ли никогда не отступает», — медленно произнес Ли Чэньи, продолжая давить всей мощью.

Янь Чангэ поначалу собирался сделать именно то, о чем сказала Сюй Чжичжэнь — отпустить руку, но услышав слова Ли Чэньи, он расплылся в одобрителной улыбке.

На полях сражений древности, где царило холодное оружие, воины гораздо чаще использовали длинные тяжёлые мечи и копья, чем легкие мечи. В битве с врагом меч не может отступить: отступишь — и наткнешься на ледяную сталь противника. Техника семьи Ли была скорее техникой поля боя, чем техникой мира боевых искусств. Только такие семьи достойны уважения государства.

Чтобы Ли Чэньи не пострадал, Янь Чангэ не стал отпускать руку. Он направил внутреннюю энергию на противостояние Ли Чэньи и произнес: «Раз ты не отступаешь, то и я, Янь, не отступлю».

«Хорошо!» — Ли Чэньи улыбнулся и поднажал еще сильнее. На его лице вздулись вены — очевидно, он использовал уже сто двадцать процентов своих сил.

Подобных столкновений в реалити-шоу обычно стараются избегать: зрители не понимают тонкостей борьбы внутренних энергий, они хотят видеть зрелищные боевые сцены. Обычно участники выбирают изящные приемы и эффектные прыжки, чтобы привлечь внимание. Характер Ли Чэньи явно не подходил для телешоу.

Но именно такой характер присущ настоящим полководцам.

Слова Сюй Чжичжэнь «на узкой тропе побеждает храбрый» как раз подходили к Ли Чэньи. Если бы такой человек защищал город, он бы стоял с прямой спиной до самой смерти.

«Жаль», — вздохнул Янь Чангэ, — «что такой герой, как ты, оказался моим противником».

Он привел в движение внутреннюю энергию и резким рывком руки вверх буквально подбросил Ли Чэньи в воздух. Ли Чэньи взлетел, в его груди закипела кровь; он крепко сжал зубы, приказывая себе не выплевывать её — один такой плевок означал бы внутреннюю травму, которую пришлось бы лечить годами. Однако при таком полете он неизбежно должен был с силой врезаться в дерево позади. Внутренняя травма плюс внешние повреждения — неизвестно, сколько бы заняло восстановление.

Ли Чэньи спокойно закрыл глаза. Это был бой, который он выбрал сам. Поражение с честью!

Однако в тот самый момент, когда Ли Чэньи уже готов был врезаться в дерево, Янь Чангэ, обнимая Цюй Ляня, с невероятной скоростью оказался позади него. Одной рукой он прижимал к себе Цюй Ляня, а другую приставил к спине падающего Ли Чэньи. Истинная энергия мгновенно вошла в тело Ли Чэньи, нейтрализуя инерцию удара Янь Чангэ.

Сладкий привкус во рту исчез, бушующая внутренняя энергия в теле утихла. Ли Чэньи твердо встал на землю. Кроме ощущения пустоты от израсходованной энергии, он не получил никаких повреждений.

Обернувшись к Янь Чангэ, всё еще крепко обнимавшему Цюй Ляня, Ли Чэньи сложил руки:

«Признаю поражение».

Янь Чангэ слегка улынулся: «Я давно слышал, что сыны семьи Ли — сплошь герои, и сегодня убедился, что слухи не врут. Глядя на тебя, брат Ли, я невольно вспоминаю строки: “Один воин у ворот — и десяти тысячное войско не пройдет”. Эти стихи словно были написаны тысячи лет назад специально для тебя».

Лицо Ли Чэньи, обычно напоминавшее маску, слегка покраснело. Он вежливо поклонился: «Мое мастерство уступает твоему, я недостойн такой похвалы. Сегодняшний бой с господином Янем сделает дух моего клинка еще острее. Если в будущем господин Янь посетит столицу, обязательно заходите в дом семьи Ли, тогда мы снова скрестим оружие».

Сказав это, он прислонился к большому дереву — было очевидно, что он больше не намерен вступать в бой.

Сюй Чжичжэнь не стала нападать исподтишка, пока двое мужчин мерялись силами. Видя настрой Ли Чэньи, она спросила: «Ты собираешься выйти из игры?»

Ли Чэньи кивнул: «Я уже проиграл».

«Хорошо!» — сказала Сюй Чжичжэнь. — «Господин Янь, я восхищаюсь вашим мастерством и глубокими знаниями. Но если в сегодняшнем бою вы не заставите меня искренне признать ваше превосходство, то даже проиграв, я всё равно объединюсь с другими против вас».

«Госпожа Сюй преувеличивает», — ответил Янь Чангэ. Оставшись с одной противницей, он перестал опасаться удара в спину, поэтому отпустил руку Цюй Ляня и обратился к ней: «Когда я сражался с братом Ли, если бы вы, госпожа Сюй, ударили теми бусинами в мою правую руку, она бы наверняка сломалась под перекрестным давлением двух мастеров. То, что вы не воспользовались моментом, доказывает, что вы — женщина исключительного благородства».

Сюй Чжичжэнь хмыкнула: «Мы участвуем в состязании, а не бьемся насмерть, мне незачем тебя убивать. Хватит разговоров, доставай оружие. Не вздумай дурачить меня телефонами или ветками. Раз это поединок, обе стороны должны выложиться на полную. Твоя победа будет честной, мой проигрыш — тоже. Мне не нужны подачки».

«Вот как...» — Янь Чангэ на мгновение задумался, а затем обратился к Ли Чэньи: «Брат Ли, я не взял с собой оружия. Позволишь ли ты мне одолжить твои ножны?»

«Бери», — Ли Чэньи бросил ножны Янь Чангэ.

Сюй Чжичжэнь нахмурилась и хотела что-то сказать, но Янь Чангэ перебил её: «Госпожа Сюй, не стоит недооценивать эти ножны. Мечи и сабли — это острые предметы, созданные для ранения людей. Только ножны могут запечатать это грозное оружие, давая ему покой, и только в бою за своего господина они превращаются в инструменты войны. Без ножен меч — лишь орудие убийства. С ножнами он становится истинным оружием в руках воина, защищающего страну, народ и себя. На мой взгляд, ножны величественнее меча: только благодаря их готовности оставаться в тени рождаются прекрасные легенды о знаменитых клинках».

Я участвую в этом шоу не ради убийства врагов, а ради защиты своего напарника. Именно поэтому я использую ножны — мой бой ведется только ради защиты.

Точно так же и великие семьи боевых искусств: почему, владея высочайшим мастерством с детства, вы проходите двенадцатилетнее обязательное образование и учите науки? Насколько

мне известно, госпожа Сюй — доктор медицины Пекинского университета. Почему вы, изучив боевые искусства для ранения людей, решили изучать медицину для их спасения? У госпожи Сюй в сердце тоже есть свои «ножны», не так ли?»

Морщинка на лбу Сюй Чжичжэнь разгладилась. Она распутала длинные четки, обвитые вокруг её второго предплечья, и кивнула: «Я изучала боевые искусства, чтобы лучше понимать меридианы и строение человеческого тела для удобства в учебе. Ты прав, мы все берем в руки оружие ради своих «ножен»».

Она разобрала четки, ссыпав бусины в ладонь, и сказала: «На самом деле, я гораздо искуснее в воздействии на акупунктурные точки человека, чем в обращении с девятизвенным кнотом. Здесь сто восемь бусин из красного сандала. Если ты сможешь уклониться от них всех, я, Сюй Чжичжэнь, признаю поражение».

Янь Чангэ посмотрел на бусины и втайне вздохнул о том, какая это жалость: «Такие дорогие бусины... не жалко ли использовать их как скрытое оружие?»

«Сандал или вяз — какая разница?» — Сюй Чжичжэнь начала бросать бусины. — «Мастер боевых искусств или врач — всё едино».

Все они используют милосердное сердце, чтобы превратить клинок в спасительный амулет, невзирая на чины и стоимость.

Янь Чангэ одобрительно улыбнулся. Когда бусины Сюй Чжичжэнь полетели в него, он не стал уклоняться, а начал ловить их руками.

Лицо Сюй Чжичжэнь изменилось. Сандаловые бусины летели одна за другой, но Янь Чангэ перехватывал каждую и спокойно опускал в карман. Когда все сто восемь бусин были брошены, Янь Чангэ собрал их все до единой.

Когда бусины закончились, Сюй Чжичжэнь, верная своему слову, прекратила атаку. Хотя у неё еще оставались силы для боя, она не шелохнулась. Янь Чангэ же попросил у Цюй Ляня пакет (у звезд были рюкзаки с едой и горячей водой), сложил туда бусины и протянул Сюй Чжичжэнь.

«Сто восемь штук, возвращаю в полной сохранности», — сказал Янь Чангэ. — «Каждая из этих бусин гладкая и теплая, очевидно, кто-то перебирает их каждый день. Госпожа Сюй так дорожит этими четками, что постоянно носит их с собой — я ни в коем случае не мог позволить, чтобы столь дорогая вашему сердцу вещь была уничтожена».

Сюй Чжичжэнь приняла пакет и тяжело вздохнула: «Когда я только начала заниматься боевыми искусствами, бабушка подарила мне эти четки. Она сказала, что у всех в семье Сюй вспыльчивый и взрывной характер, и с таким нравом в боевых искусствах легко стать заносчивым. Она подарила их мне, чтобы я могла сохранять спокойствие духа и не поддаваться ярости, присущей технике кнута, не теряя изначальной сути пути воина».

«Раз это подарок старшего в роду, зачем же было использовать их как оружие?» — спросил Янь Чангэ.

«Потому что, выслушав тебя, я осознала: за все эти годы четки уже укоренились в моем сердце, мне больше не нужно их пересчитывать. Использование этих бусин было прощанием с прошлой собой и личным прорывом. Но когда ты вернул мне их целыми, я поняла, что в руках они всё же приносят больше покоя», — улыбнулась Сюй Чжичжэнь. — «Бабушка была бы очень

рада узнать, что кто-то понимает её так хорошо. Наша семья живет в Шучжуне. Если в будущем представится случай, обязательно дай мне возможность пригласить тебя в гости. Моя бабушка точно найдет с тобой общий язык».

Янь Чангэ вежливо ответил: «Обязательно, я непременно навещу старшую при первой возможности».

После обмена любезностями Ли Чэньи и Сюй Чжичжэнь вместе направились к точке сбора. Хотя оба почти не пострадали и после отдыха вполне могли бы продолжить бой, они сдержали обещание и, поддерживая друг друга, вышли из состязания.

Оператор Янь Чангэ навел на него камеру, снимая крупный план победителя, и неожиданно услышал вздох: «Цюй Лянь, я думаю, это просто замечательно, что я пришел на шоу «Мастера боевых искусств»».

Цюй Лянь кивнул: «Я тоже так думаю».

«Раньше я считал «Мастеров боевых искусств» пустой забавой, выставяющей боевые искусства на посмешище. Теперь я понял глубокий смысл этого шоу. Это программа, которая позволяет практикующим боевые искусства учиться друг у друга и дает обычным людям возможность увидеть другую сторону мастеров боевых искусств. Если бы не эта программа, где бы я, отшельник древних искусств, встретил столько достойных уважения воинов? И где бы широкая публика узнала, что современные наследники великих семей Китая сохранили дух благородных мужей древности? Такое шоу — это то, о пропуске чего можно жалеть всю жизнь», — патетично произнес Янь Чангэ.

Оператор: «...» После стольких сражений, у него еще остались силы на то, чтобы вставить в эфир рекламу, которую монтажеры ни за что не посмеют вырезать! Это и экранное время увеличивает, и симпатию режиссера вызывает... Он был просто слишком хитер!

В этот момент весь негативный эффект от красных одежд Янь Чангэ в глазах оператора исчез без следа. Теперь в его глазах Янь Чангэ был великим героем, сияющим святым светом!

—

Автору есть что сказать:

Цюй Лянь: «Ты заметил, что с тех пор, как ты попал в это реалити-шоу, у тебя проявилась новая черта?»

Янь Чангэ: «Какая?»

Цюй Лянь: «Черта «вечного наставника»».

Янь Чангэ: «Пожалуй. Если бы ты не сказал, я бы и не заметил в себе страсти к поучениям».

Цюй Лянь: Думаю, ты довольно хорошо умеешь использовать идиомы, чтобы приукрасить себя

Янь Чангэ: «Я всегда был человеком крайне прямодушным и искренним, никогда не преувеличивал».

Цюй Лянь: «Притворяйся дальше, я тебя насквозь вижу».

Янь Чангэ: «Например, я всегда считал, что ты “статный и величественный” [Юйшу линьфэн],

“грандиозный и великолепный” [сюнвэй чжуанли], “тихий и глубокий” [юцзин шэньюань] и “никогда не допускающий промахов” [цун бу шулоу]. Неужели это притворство?»

Цюй Лянь: «...»

—

Кто-нибудь объяснит значение этих четырехсложных идиом, кроме первой? Я знаю, что найдутся те, кто поймет, 233333333333.

От переводчика:

Смысл шутки в конце главы заключается в сексуальном подтексте, который Янь Чангэ мастерски упаковал в возвышенные и торжественные китайские идиомы (чэньюи).

Цюй Лянь обвиняет его в том, что тот слишком любит «читать лекции» и «притворяться» (напускать на себя праведный вид). В ответ Янь Чангэ отвечает серию «комплиментов», которые звучат как описание пейзажа или благородного мужа, но на самом деле описывают... анатомию и поведение Цюй Ляня в постели.

Вот расшифровка этих идиом в контексте шутки:

1. 玉树临风 (Юйшу линьфэн) — «Нефритовое дерево на ветру» - Описание красивого, статного и элегантного мужчины.
2. 气贯长虹 (Сюнвэй чжуанли) — «Грандиозный и великолепный». Так говорят о величественных горах, дворцах или сооружениях. Янь Чангэ иронично использует «монументальный» термин для описания возбужденного состояния Цюй Ляня.
3. 深不可测 (Юцзин шэньюань) — «Тихий, уединенный и глубокий». Описание глубокого ущелья, далекого леса или спокойного храма. Намекает на интимные части тела и глубину их близости. Это самая «пошлая» часть шутки, так как эти слова обычно не применяются к людям.
4. 一丝不苟 (Цун бу шулоу) — «Никогда не допускающий промахов/протечек». Описание крайне тщательного, аккуратного человека, который не делает ошибок в работе. Здесь игра слов. Слово «лоу» (утечка/пропуск) в контексте «выносливости», о которой шла речь в примечании автора к 42 главе, намекает на то, что Цюй Лянь «принимает всё до последней капли» или слишком быстро «проливает» (капитулирует).

Число 233333 в конце комментария автора — это китайский интернет-сленг, означающий бурный смех (аналог «лол» или «ахахах»).

—

<http://bllate.org/book/14517/1285743>